

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-213-229>

АРТИСТ – КАК АРТИСТКА: ВАРЬИРОВАНИЕ ФОРМ РОДА В СТРУКТУРЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

**Екатерина Васильевна
Огольцева**

Московский педагогический
государственный университет;
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Москва, Россия, tertiumcomp@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Аннотация. В статье рассматривается один из случаев формально-грамматического варьирования компонента **В** – образа устойчивого сравнения. Анализу подвергаются варианты форм рода существительных – наименований лиц: *‘как артист’* и *‘как артистка’*, *‘как циркач’* и *‘как циркачка’*, *‘как школьник’* и *‘как школьница’*. Подобные пары надо отличать от случаев, когда вариантные формы рода слова, выражающего образную основу сравнения, не связаны с конкретной ситуацией употребления компаративной конструкции, а лишь отражают варианты родовых форм данных существительных в языковой системе (*‘печной заслон’* и *‘печная заслонка’*; *‘жираф’* и *‘жирафа’*; *‘глист’* и *‘глиста’*). Варьирование форм рода одушевленных существительных, относительно редкое в ядре идиоматики, в системе компаративной фразеологии встречается довольно часто. Каждый из вариантов такой пары может выступать как средство образной характеристики либо мужчины, либо женщины. Оба варианта характеризуются общностью набора актуальных признаков-оснований, а следовательно, и совпадением «репертуара» слов-сопроводителей. Вместе с тем системный анализ текстовых фрагментов Национального корпуса русского языка позволяет выявить целый ряд признаков, специфических для «мужского» или, напротив, для «женского» варианта. Компаративный фразеологизм *‘как (слово, точно, будто) артист’*, устойчивая метафора *‘артист’* и её многочисленные речевые модификации, а также компаративно-производные слова *‘артистический’*, *‘артистически’*, *‘артистичность’* в художественной литературе и публицистике актуализируют семантические признаки «мастерство», «искусность», «безупречность в работе»; вариант *‘как артистка’* специализируется в основном на характеристике внешнего вида женщины. С одной стороны, общность образной основы цементирует всё многообразие варьирующихся компаративных единиц, обеспечивая относительно устойчивое семантическое единство; с другой стороны, каждый грамматический вариант обладает спецификой на уровне прагматики, в коммуникативном аспекте.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, образно-компаративное значение, варьирование, варианты форм рода, образ сравнения, метафора, образно-компаративное гнездо, производное слово, образно-гиперболическое значение, стабильность, динамичность.

Для цитирования: Огольцева Е. В. Как артист – артистка: варьирование форм рода в структуре устойчивых сравнений // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 213–229. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-213-229>

Сведения об авторе: *Е. В. Огольцева* – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Россия, Москва, Московский педагогический государственный университет ул. Малая Пироговская, 1; профессор кафедры славянской филологии, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Россия, Москва, ул. Новокузнецкая, 23 Б

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-213-229>

KAK ARTIST – KAK ARTISTKA: GENDER FORM VARIATION IN THE STRUCTURE OF FIXED COMPARISONS

Ekaterina V. Ogoltseva

Moscow State Pedagogical University;
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
Moscow, Russia, tertiumcomp@mail.ru.
<https://orcid.org/0000-0001-6439-0130>

Abstract. The article examines a specific case of formal and grammatical variation in "Component B" — the vehicle of a fixed comparison. The author analyzes gender form variants of nouns denoting persons, such as 'like an actor' (*kak artist*) and 'like an actress' (*kak artistka*), 'like a circus performer [masc.]' (*kak tsirkach*) and 'like a circus performer [fem.]' (*kak tsirkachka*), or 'like a schoolboy' (*kak shkolnik*) and 'like a schoolgirl' (*kak shkolnitsa*). The study distinguishes these pairs from cases where gender variants merely reflect systemic linguistic fluctuations (e.g., '*pechnoy zaslony*' / '*pechnaya zaslonyka*' – 'stove damper', '*zhiraf*' / '*zhirafa*' – 'giraffe', or '*glist*' / '*glista*' – 'helminth') rather than situational usage. While gender variation in animate nouns remains relatively rare in core idiomatics, it occurs frequently within comparative phraseology. Either variant in such a pair can figuratively characterize both male and female. Both variants share a common set of relevant underlying features and, consequently, a matching "repertory" of collocations. At the same time, a systematic analysis of text fragments from the Russian National Corpus reveals specific features inherent to either the "masculine" or the "feminine" variant. The comparative idiom '*kak (slovno, tochno, budto) artist*' ('like (as if, as though) an actor'), the fixed metaphor 'actor', and its various derivatives (e.g., '*artisticheskiy*' – 'artistic', '*artisticheskiy*' – 'artistically', '*artistichnost*' – 'artistry') in fiction and journalism actualize semantic features such as "mastery," "skill," and "flawlessness." In contrast, the variant '*kak artistka*' ('like an actress') – primarily characterizes a female appearance. Thus, the shared figurative basis cements the diverse comparative units into a stable semantic unity, while each grammatical variant maintains its own pragmatic and communicative specificity.

Keywords: stable comparison, figurative-comparative meaning, variation, variants of gender forms, image of comparison, metaphor, figurative-comparative nest, derived word, figurative-hyperbolic meaning, stability, dynamism.

For citation: Ogoltseva, EV 2026, 'Kak Artist – Kak Artistka: Gender Form Variation in the Structure of Fixed Comparisons', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 213–229, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-213-229> (in Russ.)

Information about the Author: *Ekaterina V. Ogoltseva* – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, 1, st. Malaya Pirogovskaya, Moscow, Russia; Professor of the Slavic Philology Department, Private educational institution of higher education Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities, 23B Novokuznetskaya St, Moscow, Russia.

© Ogoltseva E. V., 2026

Введение

Значение образного сравнения, или образно-компаративное значение, – одна из тех языковых универсалий, исследование которых требует многоаспектного, интегративного подхода. Ядерные единицы компаративного поля – устойчивые сравнения (далее УС) как фразеологические единицы особого типа – встречаются в разных (в том числе типологически контрастных) языках, поэтому представленные в нашей статье наблюдения могут послужить одной из предпосылок для перспективных исследований в области перевода и межкультурной коммуникации.

Одним из важнейших признаков устойчивого сравнения как фразеологической единицы особого типа является постоянство его структуры и образно-компаративной семантики. Например, в сравнении *длинноногий, высокий – как аист* (о человеке) элемент **В** (образ «аист») связан со строго определённым основанием **С** (*длинноногий, высокий*) и с ограниченным диапазоном элементов **А** (*человек*); компаративные отношения выражены посредством сравнительного союза *как* (элемент **т**). Вместе с тем компоненты устойчивого сравнения характеризуются способностью варьироваться, хотя и в строго определённых пределах. Иными словами, стабильность структуры – признак, с которым обыденное сознание в первую очередь связывает устойчивость фразеологической единицы, – оказывается признаком относительным. Возможны следующие типы варьирования компонентов УС:

1. Лексическое варьирование.

Лексическими вариантами могут быть любые компоненты сравнительной части (**тВ**) компаративной конструкции. К ним относятся компоненты, различающиеся своими лексическими значениями (как *затравленный волк – как загнанный волк*; как *львиная грива – как лошадиная грива – как конская грива*; как *сонная муха – как осенняя муха*)¹.

2. Формально-грамматическое варьирование.

а) Варианты сравнительных союзов (элемента **т**).

Помимо основного союза *как*, УС часто употребляются с союзами *словно, точно, будто*. В разговорной речи и в текстах встречаются также следующие варианты показателей компаративных отношений: *как будто, будто бы, всё равно как, как бы, чисто, что* и проч.

б) Варианты падежных форм существительных, выражающих образ сравнения (**В**) или грамматически зависящий от него элемент (**β**): *как (словно, точно) из (послед) бани*; *как (словно, точно) под венец (к венцу)*. В обоих случаях варианты являются чисто грамматическими, то есть они не приводят к изменению значения УС. Например, грамматические варианты *как из бани* и *как после бани* коммуникативно равноправны в плане выражения компаративного значения «красный, разгорячённый, потный, распаренный»: *Аракчеев кивнул головой в знак того, что аудитория кончена. Пыхтя и отдуваясь, потный и красный, как из бани, генерал вышел из комнаты.* (Д.С. Мережковский. «Александр I»); *Отпущенный наконец из каюты с напутствием «хорошо запомнить всё, что сказано, и передать кому следует», боцман радостно вздохнул и, весь красный, словно после бани, выскокчил наверх и пошёл на бак выкурить скорей трубочку махорки.* (К.М. Станюкович. «Куцый»).

г) Формы субъективной оценки существительных, которые в количественном отношении преобладают над всеми остальными: *как (словно, точно) амур (амурчик)*; *как (словно, точно) ангел (ангелочек)*; *как (словно, точно) заря (зорька)*; *как (словно, точно) на картинке [картине]*; *как (словно, точно) кнопка (кнопочка)*; *как (словно, точно) кукла (куколка)*; *как (словно, точно) паутина (паутинка)* и мн.др.²

В 70-х годах XX века на волне фундаментальных научных исследований в области русской и общей фразеологии многим учёным казалось, что в вопросах, связанных с фразеологической варианностью, расставлены все точки над «і». В самом деле, явлению варьирования компонентного состава устойчивых сочетаний были посвящены фундаментальные работы ведущих фразеологов второй половины XX века [4; 16 и др.] Г. А. Селиванов в одной из своих статей утверждал, что лексическое, грамматическое и структурное варьирование фразеологических единиц уже описано сравнительно полно, а вот «функциональное варьирование с привлечением одновременных фактов» пока малоизученно: «Должны быть поставлены прежде всего две проблемы: междиалектное и межъязыковое варьирование» [14, с. 8]. Этим вопросам, а также фразеологическим вариантам, возникшим в русском языке в разное время, и посвящена цитируемая статья. Между тем и на материале фразеологии одного литературного языка (в том числе русского) эта проблематика далеко не исчерпана, о чём свидетельствует, в частности, внимание современных исследователей к определению инварианта, к анализу «пределов варьирования», к разграничению варианности и синонимии (см., в частности: [5])³. Далека от своего решения проблема коммуникативной, прагматической значимости грамматического варьирования. Лишь поставлен, но не разработан вопрос о типах варьирования в системе отдельных участков фразеологической системы, прежде всего в сфере устойчивых компаративных единиц⁴.

В данной статье мы представим некоторые наблюдения, касающиеся вариантов форм рода существительных, выражающих компонент В – образ устойчивого сравнения. Показательно, что В.И. Зимин, затронувший в своих работах едва ли не все возможные случаи варьирования в сфере фразеологии (семантическое варьирование как проявление многозначности, формально-грамматическое варьирование и его типы – лексические, морфологические, синтаксические варианты), высказал особое мнение по поводу варьирования форм рода в составе ФЕ как частного проявления морфологического варьирования: «<...> Морфологические варианты зависят в первую очередь от системы формоизменений в русском языке. Этим, в частности, объясняется тот факт, что среди морфологических вариантов не встречаются варианты, основанные на варьировании формы рода имен существительных – компонентов фразеологических единиц. В нашей картотеке есть лишь единственный вариант подобного типа (*пропасть*) *ни за понюшку табаку – (пропасть) ни на понюх табаку*. Естественно, это объясняется неизменяемостью имени существительного по родам в русском языке» [6, с.81]. В целом признавая справедливость данного утверждения (в ядре фразеологической системы варьирование рода действительно редкость), отметим, что вывод В.И. Зимина не касался устойчивых сравнений – единиц с особой, «обнаженной» внутренней формой. Кроме того, при рассмотрении данного вопроса следует опираться на очевидное различие в проявлении категории рода у неодушевленных и одушевленных существительных (в последнем случае мы, по существу, имеем дело с синкретизмом явлений формо- и словообразования). Недаром в системе УС этот случай вариативности связан прежде всего с образами лиц и животных: *как барин (барыня)*, *как господин (госпожа)*, *как дурак (дура, дурачок, дуручка)*, *как царь (царица)*, *как король (королева)*, *как принц (принцесса)*, *как заговорщик (заговорщица)*, *как затворник (затворница)*, *как узник (узница)*, *как идиот (идиотка)*, *как именник (именинница)*, *как тигр (тигрица)*, *как глист (глиста)*, *как жираф (жирафа)*, *как <печной> заслон (<печная> заслонка)*, *как голубь (голубок, голубка)*, *как глист (глиста)*; *как жираф (жирафа)*; *как именник (именинница)*; *как монах (монахиня, монашка, монашенка)*; *как покойник (покой-*

ница); как <столетний(-я), древний(-я)> старик (старуха); как царь (царица); как циркач (циркачка); как цыган (цыганка); как школьник (школьница), как артист (артистка), как барин (барыня), как господин (госпожа), как царь (царица), как король (королева), как принц (принцесса), как заговорщик (заговорица), как затворник (затворница), как узник (узница), как идиот (идиотка), как именьник (имениница), как тигр (тигрица), как глист (глиста), как жираф (жирафа), как <печной> заслон (<печная> заслонка), как голубь (голубок, голубка), как у цыгана (цыганки); как у волка (волчицы), как у гуся (гусыни) <лапы>, как у старика (старухи), словно (точно, будто) за ним (за ней) гонятся. Иногда в орбиту варьирующихся родовых форм втягиваются формы общего рода: как (словно, точно) вор (воровка, ворышка, ворюга – прост.)

Материалы и методы

Языковой материал для исследования – приведённый выше список воспроизводимых компаративных единиц, характеризующихся варьированием образа В – извлечен методом сплошной выборки из словарей устойчивых сравнений русского языка; основным источником послужил словарь, последовательно отражающий систему грамматических, лексических, словообразовательных вариантов УС, факультативные компоненты, а также систематизирующий близкие по значению устойчивые компаративные обороты (синонимы): [11]. Наша гипотеза о воспроизводимом характере вариантов *как артист* и *как артистка* опирается на богатый языковой материал, представленный в картотеке данного словаря. Прагматический потенциал исследуемых грамматических вариантов выявляется посредством контекстуального анализа. В целях исследования семантической специфики «мужского» и «женского» вариантов используется семный анализ.

Выводы о преобладании тех или иных семантических признаков, служащих основаниями для сравнения при речевом функционировании вариантов УС *как артист* и *как артистка* (а также метафор *артист* и *артистка*), строятся на анализе текстового материала, извлечённого из Национального корпуса русского языка (около 600 фрагментов).

Ход анализа и его результаты

Варианты форм рода встречаются в основном у сравнений с компонентом **В** – существительным и связаны с возможностью употребления компаративной конструкции как по отношению к мужчине, так и по отношению к женщине: *Мария дурчилась как школьница, весело поглядывала по сторонам, точно приглашая посмеяться за компанию.* (Б.А. Можаяев. «Мужики и бабы»); *Вступив в университет, я вёл себя, как школьник, и скоро попался в историю.* (И.С. Тургенев. Рудин); *Староста Антон Седельников, смуглый и черноволосый, как цыган, подошёл к избе с топором и вышиб окна, одно за другим...* (А.П. Чехов. «Мужики»); *Вот тебе раз! Настя – Филина жена. Рыжий, конопатый Филя и строгая красавица, смуглая, как цыганка, Настя!* (Ф.П. Соболев. «Тополиный снег»)

От этих случаев родового варьирования существительных – наименований лиц – качественно отличаются примеры, когда вариантные формы рода слова, выражающего элемент **В**, не связаны с конкретной ситуацией употребления компаративной конструкции, а лишь отражают варианты форм рода данных существительных в языковой системе. Таковы, в частности, «глист» и «глиста», «жираф» и «жирафа», «заслон» и «заслонка». Например, и вариант «глист», и вариант «глиста» могут быть употреблены по отношению к худому, тощому, тонкому человеку – мужчине или женщине. О длинном, высоком человеке, будь то мужчина или

женщина, можно сказать и «как жираф», и «как жирафа». Примечателен подход лексикографов к семантизации подобных вариантов. Так, в МАС обе формы могут быть даны в одной словарной статье: **‘жираф, -а, м. и жирафа, -ы, ж. Животное пятнистой окраски с очень длинной шеей и длинными ногами (водится в Африке)’** [15, т. I, с. 486]. Возможно также использование идентифицирующего типа толкования: **‘глиста, -ы, ж. 1. То же, что г л и с т; глист, -а, м. Червь, паразитирующий во внутренностях человека и животных. Ленточные глисты’** [там же, с. 315].

Что касается единственного случая, когда в качестве элемента В выступает предмет неодушевленный (имеется в виду явно устаревшее сравнение *как <печной> заслон / <печная> заслонка*), употребление той или иной формы рода здесь никак не связано с полом лица, по отношению к которому употребляется данное сравнение: с печным заслоном (заслонкой) сравнивают лицо или бороду человека (ясно, что в последнем случае это может быть только мужчина). В Толковом словаре В.И. Даля существительные «заслонъ» и «заслона, заслонка» находим в статье с заголовочным словом засланивать: **‘ <...> *заслѡнъ и заслѡнка, пск. Заслонъ, ж. Также предметъ, щитъ для заслоненья чего-либо, например, листовой или чугунный, сверху закружѣнный щитъ для заставки русскихъ и заводскихъ печей; такая же заставка у комнатныхъ печей, передъ вьюшкою <...> ’*** [2, т. I, с. 636].

На фоне таких сугубо формальных вариантов большой интерес представляют случаи, когда варьирование рода оказывает существенное влияние на прагматический аспект семантики компаративной единицы. Ярким примером такого варьирования может послужить пара *как артист – как артистка*. Отметим прежде всего, что данная компаративная структура не зафиксирована в словарях устойчивых сравнений русского языка: [7; 11; 9; 1]. Между тем частотность её употребления в текстах (как художественной, так и публицистической, мемуарной литературы), а также факт реализации одного и того же круга значений свидетельствуют если не об устойчивости, то о явном «дрейфе» в сторону системы воспроизводимых образно-компаративных единиц русского языка.

Возможно, недостаточное внимание лексикографов к анализируемому сравнению объясняется некоторой размытостью его семантики: вокруг образа «артист» группируются разноаспектные и в то же время весьма специфические признаки, каждый из которых претендует на роль устойчивого. Например, признак «кланяться, раскланиваться во все стороны» может использоваться при характеристике поведения человека: *А продавец легко повернулся на каблуке и, словно артист, раскланивался на все стороны* (С. А. Воронин. «Всего дороже»); *Не кланялся, как артист, а стоял на трибуне, поглаживал свою белую голову, улыбался* (С. П. Бабаевский. «Белый свет»). Встречаются и «случайные», явно индивидуально-авторские признаки, характеризующиеся высокой зависимостью от контекста или ситуации употребления: *Чиновник одного из петербургских департаментов Иван Петрович Чекалов, господин сухой, корректный, лет под сорок, представленный к производству в коллежские советники, тщательно выбритый, как артист, имеющий проседь на висках и освобождённое от волос темя, ехал в середине октября в вагоне первого класса в Петербург из Крыма* (С. Сергеев-Ценский. «Ближний»). Обилие конкретных, частных оснований, по которым человек может быть уподоблен артисту, особенно ярко проявляется при варьировании падежной формы этого образа: *Но ведь его осмелили, как артиста, взявшего фальшивую ноту и сорвавшегося на ней* (Н. Островский. «Как закалялась сталь»); *Сейчас на свету хорошо видно было его круглое бабье лицо с толстыми рыжими усами. Усы были такие*

большие, что казались наклеенными, **как у артиста** (К. Симонов. «Солдатами не рождаются»).

Как видим, с «артистом» может ассоциироваться и человек как объект отношения группы людей, коллектива, и человек как носитель какого-то наблюдаемого признака внешности, поведения и т.д.

Признаком наиболее частотным и явно претендующим на воспроизводимость является следующий: «делать что-либо – мастерски, художественно, производя на наблюдателей эстетическое впечатление». По нашим наблюдениям, в этом значении явно преобладает вариант с формой мужского рода – как (словно, точно будто) **артист**: *Гриша как артист показывал манеры Данькевича на извозчике* (В.А. Швец. «Дневник»). При употреблении этого УС часто актуализируются семантические признаки «тщательно», «с любовью», «скупулезно», «стремясь довести до совершенства» (делать что-либо): *У японца в крови, в нравах, в привычках такая специализация в маленьком деле: он делает его, – это верно, – как артист!* (В. Э. Краевский. «В Японии. Ничего, кроме правды»); *Я сшил тетрадь из голландской бумаги и начал переписывать с таким тщанием, с каким от роду не писал ничего. Каждую сторону отделявал как артист* (М. П. Погодин. «Сокольницкий сад»).

В том же значении употребляется и устойчивая метафора, нередко в типичном синтагматическом окружении (как артист + имя сущ. в родительном или предложном падеже) – «артист своего дела», «артист в своём деле», «артист своей профессии»: – *Ну, Иван Петрович – артист своего дела! Между прочим, человек с большим будущим* (Г. Коновалов. «Раздумье»); *Как артист своей профессии (а в министры должны выбираться артисты ведомств), каждый сановник мог бы дать не только художественное подражание, но, может быть, и гениальное творчество, но он весь связан комиссиями из подчиненных ему чиновников* (М. О. Меньшиков. «Ни творчества, ни подражания»).

Метафора «артист» чаще всего употребляется в речи персонажей, в репликах диалога, выступая как характеристика, которая присваивается тому или иному герою другим героем произведения: *Во всём районе никто не умел так смело и так лихо ездить на мотоцикле, как Иван Лукич Книга. «Артист, да и только!»* – говорили о нём. (С. П. Бабаевский. «Сыновний бунт»); – *Он у меня был заместителем по боевой подготовке. Парень, скажу вам, на все руки мастер, одним словом, артист!* – *Это как понимать? – Самый способный офицер, – сказал Николай Михайлович <...>* (Н. И. Камбулов. «Покушение»).

Воспроизводимый характер анализируемой семантики подтверждается тем, что она устойчиво проявляется в других структурах образно-компаративного гнезда – в прилагательном *артистический* и образованном от него наречии: *Являясь на работу и видя, что они [рабочие] ленятся, он [Шишлин] брал сокол, лопату и артистически принимался за дело сам, ласково покрикивая: – Наддай, ребятки, наддай!* (А. М. Горький. «В людях»). Ср. в МАС: *артистический* ‘<...> 2. Исполненный с большим искусством; мастерский, искусный, виртуозный. Сделает безделушку, поставит на высокое место и любит действительно тонкой, артистической работой. Серафимович. У холодного моря. <...>’ [15, т. I, с. 46].

Прилагательное *артистический* может выступать и в образно-гиперболическом значении, выражая высокую степень интенсивности признака. Ср.: *Мать моя была лютеранка и, стало быть, степенью религиознее; она всякий*

месяц раз или два ездила в воскресенье в свою церковь, или, как Бакай упорно называл, в свою кирху, и я от нечего делать ездил к ней. Там я выучился до **артистической** степени передразнивать немецких пасторов, их декламацию и пустословие, – талант, который я сохранил до совершеннолетия (А. Герцен. «Былое и думы»)⁵. Те же семантические признаки (мастерство, безукоризненность, художественность, искусность) реализуются в значении синтаксического деривата **артистичность**: Кирсанов выдерживал свою роль с прежнею безукоризненною **артистичностью**. (Н.Г. Чернышевский. «Что делать»).

Показательно, что «мастерскими» и «художественными» могут быть и нравственные качества и поступки человека, в том числе связанные с отношением к другим людям (например, жестокость или насмешка), и речевые действия, осуждаемые в обществе (прежде всего лживость): *Насмешка, ирония, холодная, язвительная и полная презрения, это было орудие, которым он [отец] владел **артистически**, он его равно употреблял против нас и против слуг.* (А. Герцен. «Былое и думы»); *Единственное дело, которое они делали не только легко, но с удовольствием, с истинным дарованием, **как** самые безукоризненные **артисты**, это было – лганьё.* (Г. И. Успенский. «Новые времена, новые заботы»); – *Верно то, что о нём говорят? – Видите ли, Сергей Николаевич, как вам сказать? На Севере не всегда различишь, где правда, где легенда. Врут тут... **Артистически** врут и часто бесцельно. Пьют чай – и врут, курят табак – и врут. Поди-ка проверь!* (Б. Л. Горбатов. «Карпухин с Полыньи»). Важный семантический признак подобного поведения – увлечённость до самозабвения. Человек, который насмехается над кем-то или врёт кому-либо артистически, сам наслаждается своими насмешками и сам верит тому, что говорит или делает: *Он уже проникся несокрушимой верой в свою выдумку, которая только что родилась в нём, уже вёл себя, как волшебник, как артист* (А.А. Бек. «Жизнь Бережкова»). Ложь «артистическая» – это не обычное враньё, а враньё вдохновенное и изощрённое: *Никто на свете не умел так обмануть конём, как этот Дмитрий Ерофеевич, и надувал он не как обыкновенный, сухой, прозаический барышник, а **как артист**, – больше для шику, для форта и для славы* (Н.С. Лесков. «Железная воля»).

К отмеченным выше случаям употребления сравнения как артист близки довольно многочисленные примеры типа: *Его часто приглашали на мещанские свадьбы играть на гармонии. Играл он **как артист**.* (С.Г. Скиталец. «Композитор»); – *Ну, ну, – сказал Фуст и покраснел до пят. – Ты действительно пел **как артист**. Только такие песни надо петь ночью.* (Н. Тихонов. «Белое гнездо»). В этих случаях несколько стирается грань между сравнением устойчивым и логическим: характеристике подвергаются занятия любителей, свойственные профессиональным артистам: музицирование или пение. Однако явное присутствие сем «художественно», «мастерски», «со знанием дела» позволяет отнести подобные случаи к образным сравнениям.

Другое значение, претендующее на воспроизводимость (а следовательно, языковой статус) – «неестественность, неискренность, ненатуральность»: *И я не то чтобы не верю в перевоспитание таких типов, но когда они дурака валяют, изображают психов или, **как артисты**, пускают натуральную слезу, то в ответ на это ломанье нужна жестокость, а не мягкость <...>* (В. Чивилихин. «Про Клаву Ивановну»).

В отличие от «мужского варианта», женский специализируется в основном на характеристике внешнего вида – на образном выражении красоты: *На фотогра-*

фии Райка как артистка, но не как раньше делали фотографии артисток – вдохновенное лицо и причёска, – а в полный рост, в купальнике, чтоб никакой загадки (Михаил Панин. «Камикадзе»). Внешность женщины, уподобляющейся артистке, обычно представляется экранной, «киношной», неправдоподобно-идеальной, поэтому УС как артистка часто встречается в трансформированной форме: «как артистка кино»: *Сейчас смотрю на свою фотографию и удивляюсь: в красивой модной шляпке, в модном коротком платье, туфли на каблуках – совсем как артистка кино* (В. С. Балина. «Три сестры»)⁶.

Вариант *как артистка* используется и для характеристики поведения, причем доминирующими здесь являются признаки «красиво», «эффектно»: *Зойка <...> эдак красиво, как артистка, откинула в сторону окольцованную руку* (Ф. А. Абрамов. «Дом»). Устойчивая метафора **артист** тоже нередко используется в подобном значении: *Пётр Житков – тот ещё артист! – широким, просто-таки княжеским жестом указал на ящик справа от себя: любой выбирай. Так-то мы почитаем тебя!* (Ф. А. Абрамов. «Пути-перепутья»). Заметим, что в обоих примерах речь идёт о таком важном внешнем признаке человека, как движения тела, жестикуляция; во втором случае семантические признаки «внешне красивый», «рассчитанный на эффект» поддерживаются употреблением компаративно-производного слова (ср. «**княжеский жест**»).

Упомянутые выше признаки поведения женщины нередко проявляются в сочетании с характеристикой её гибкости, ловкости, изворотливости, то есть действий женщины как не вполне искренних, но достигающих результата и потому вызывающих смешанное чувство негодования и восхищения, прежде всего со стороны мужчины: *– Ну и артистка у тебя жена, – прощаясь после собрания с Никитиным у машины, с восхищением говорил Неверов. – Сама же всё подстроила, расписала по нотам и сама рассыпалась на собрании, как ни в чём не бывало. Ох, ещё заплачешься ты с ней!* (А. В. Калинин. «Возврата нет»). Интересно, что вариант *как артист* также может выражать такие признаки, как «поддельность», «неискренность», «не подлинность»: *Одновременно ловко, как артист на сцене, играл человека совершенно трезвого, дисциплинированного, честного и берегущего государственное добро.* <...> (Л. Я. Горелик. «Дневник»). Однако при проявлении этого признака часто актуализируется не желание покорить привлекательной внешностью, а стремление к славе, ко всеобщему вниманию и признанию и чувство удовлетворения самим собой: *Так он и мог это сказать для славы – ведь он, как артист, любит, чтобы ему аплодировали* (Н. С. Хрущёв. «Пусть простит меня академик Капица»); *Он наслаждался, как артист после удачного выступления* (С. Ф. Буданцев. «Писательница»). Эта особенность провоцирует контаминацию двух признаков при использовании варианта *как артист*: 1) мастерство (делать что-л. «мастерски», «играючи», «без видимых усилий, напряжения» и 2) желание показать наблюдателю, зрителю не то, что есть на самом деле: *Тщательно замесив ногами глину на тёплой воде для того, чтобы она заблестела, как масло, он поддевал добрый кусок пальцем, запроваживал за щёку, прожёвывал и глотал, улыбаясь, как артист, желающий показать, что исполнение номеров не составляет для него никакого труда* (А. Т. Твардовский. Печники).

Однако в основном *как артист / как артистка* используются в сходных речевых ситуациях, что подтверждает их статус именно как формально-грамматических вариантов одной и той же языковой единицы. Так, форма *как ар-*

тистка, подобно варианту как *артист*, употребляется в значении «мастерски, очень искусно делать что-либо»: *Домна Платоновна любила своё дело как артистка: скомпоновать, собрать, состряпать и полюбоваться делами рук своих – вот что было главное, и за этим просматривались и деньги и всякие другие выгоды, которых особа реалистичная ни за что бы не просмотрела* (Н. С. Лесков. «Воительница»). Однако, по нашим наблюдениям, в этом значении анализируемая компаративная единица всё-таки чаще выступает в варианте с формой мужского рода.

Использование УС как *артист* в подобных контекстах нередко усиливается соседством с другими компаративными единицами, усугубляющими экспрессию, или повтором слова-сопроводителя с наречиями меры/степени: *Люка играл «Мелодию» и «Юмореску» Рахманинова. Играл как артист и вдохновенный поэт. Он с первых тактов заставлял забыть об аудитории, концерте* (В. А. Швец. «Дневник»); *Он читал как артист, читал совершенно неподражаемо, но и его не хватало, чтобы насытить жадность стосковавшейся по русской книге аудитории* (А. А. Яблонский. «Египет. Гости английского короля»). В подобных контекстах на первый план выходят признаки «вдохновенно, высокохудожественно». На усиление экспрессии работает и градационный ряд сопроводителей-синонимов: *Так я люблю создание своего воображения, над которым работала, как артист, с восторгом, с увлечением...* (Е. А. Дьяконова. «Дневник русской женщины»).

Оба варианта используются со словом-сопроводителем «кланяться (поклониться)»: *Хохот. Миша кланяется, как артист. Следующий номер программы – жужжание мухи о стекло, визг поросёнка и застарелый анекдот про кукурузу* (Геннадий Башкуев. «Маленькая война»); *Я снова благодарю вас, мой учёный друг, – она опять поклонилась, как артистка* (И. А. Ефремов. «Лезвие бритвы»). Оба служат для характеристики нарядно одетого человека («женский вариант» используется в этой функции несколько чаще): *Но Истобникова уже в девятом классе была совершенно зрелую: после занятий за ней в школу на красных «жигулях» заезжал взрослый парень, одетый как артист* (А. М. Поляков. «Гипсовый трубоч: дубль два»); *Пройдём ко мне, – сказал Волков, когда нарядная, как артистка, горничная помогла им снять пальто* (А. И. Пантелеев. «Лёнька Пантелеев»).

Только вариант как *артист* (не как *артистка*!) употребляется как характеристика образа жизни – внешне яркого, увлекательного, но безалаберного, расточительного, богемного. С другой стороны, возможна и мелиоративная окраска «жизни артиста», и тогда актуализируются признаки «духовная высота», «приверженность к высокому образу мыслей и чувств»: *Жил как артист в высоком смысле этого слова* (В. Г. Малахиева-Мирович. «Маятник жизни моей: дневник русской женщины»); *Он, как артист, не знает цены деньгам и невозмутимо жертвует своим комфортом и благами жизни кое-каким своим страстишкам, и оттого-то он даёт впечатление человека неимущего, еле сводящего концы с концами* (А. П. Чехов. «Драма на охоте»).

Показательно, что, даже когда анализируемый образ «артист» обозначает высокое понятие (нечто далекое от обыденности, поднимающееся над суетой повседневности, исключительное) применяется по отношению к женщине, предпочитается вариант с формой мужского рода: *Эта замученная горем, умирающая старая женщина в то же время была как артист, которого день деньской заставляли таскать тяжелые камни и лишь к вечеру освободили для любимого дела* (О. Д. Форш. «Одеты камнем»); *Зазубрина была в душе артист и, как артист,*

непомерно таланту самолюбива (А. М. Скабичевский. «Горький. Очерки и рассказы»).

Мы видим, что, несмотря на общность основных семантических признаков, проявляющихся чаще всего («делать что-либо с большим мастерством» и «демонстрировать своим внешним видом, поведением, поступками не то, что есть на самом деле»), употребление вариантов *как (словно, точно, будто) артист* и *как (словно, точно, будто) артистка* характеризуется целым рядом нюансов. Мужской вариант чаще используется как характеристика мастерства в том или ином деле, при этом могут актуализироваться такие семы, как «тщательно», «скрупулезно», «вдохновенно», «с азартом», «с размахом», «играючи», «без видимого напряжения». Вариант *как артист* также широко употребляется для выражения таких признаков поведения мужчины, как «картинность», «стремление к внешнему эффекту», «ожидание всеобщего любования или признания». С мужским образом ассоциируется также богемный, расточительный, безалаберный, неорганизованный, легкомысленный образ жизни и, с другой стороны, пренебрежение обыденными благами бытия ради чего-то возвышенного, исключительного, духовного.

Женский вариант чаще употребляется для характеристики внешности (красивой, безукоризненной, продуманной до мелочей), наряда женщины; вариант *как артистка* чаще используется для выражения признаков «поддельный», «неискренний», «не подлинный».

Коммуникативно-прагматические различия вариантов форм рода носят системный характер. Они проявляются и при употреблении других УС с образами, называющими человека по роду деятельности, в частности, **как словно, точно, будто) циркач / как словно, точно, будто) циркачка**. В Словаре устойчивых сравнений русского языка эта компаративная единица определяется следующим образом: «Лазать, прыгать, взбираться на что-л. – ловко, проворно. О человеке» [11, с. 743] Оба варианта достаточно регулярно употребляются с отмеченными в словаре словами-сопроводителями – глаголами движения, семантика которых конкретизируется обстоятельствами «ловко, проворно» и проч.: *Трифон, воткнув бугор в толстую лесину, сиганул, как циркач*. (В. П. Астафьев. «Перевал»); *В театре, когда рассаживались в ложе, он разом, **будто циркач**, перекинул себя с коляски на откидное кресло*. (В. М. Шанько. «Синдром веселья Плугоренко»); *Она ловко, как циркачка, перехватываясь руками по скобам крана и мелькая крепкими поленьевыми икрами, стала подниматься в кабину* (Б. Н. Полевой. «На диком берегу»). Семантика ловкости, проворства, граничащих с чудом и вызывающих удивление и восхищение окружающих, реализуется также при употреблении этих вариантов с другими глаголами-сопроводителями: «бегал на костылях, как циркач» (В. Розов); «*как циркач, умел бросать тарелки на пол, и они оставались целыми*» (Т. А. Луговская). Оба сравнения употребляются также с прилагательными-сопроводителями «ловкий», «изящный», «пластичный», «проворный», «тренированный»: *При всем том он ухитряется оставаться самим собой – изящным, пластичным, как циркач, и обаятельным, как Миронов!...* (Вениамин Смехов. «Театр моей памяти»).

На первый взгляд, анализируемые формальные варианты не обнаруживают никаких различий. Однако при употреблении УС *как циркачка* в указанном выше значении контекст, как правило, содержит большое количество подробностей, связанных с внешним видом цирковой артистки – её одеждой, особенностями фигуры,

прически, телосложения, движениями: *Р-раз! – и с верхушки дуба съехала по веревке, **будто циркачка**, лохматая, загорелая девчонка с веселыми глазами* (Леонид Сапожников. «Митя Метёлкин в Стране Синих роз»); *Потом с круга между боковыми рядами поёт толстушка, загорелая до черноты, вертлявая, играющая микрофоном в руке, **как циркачка**, в открытом со всех сторон, переливающимся огнями красном платье, и резкий голос ее, перекрывающий гитару, скребёт Алешу по сердцу* (Валентин Распутин. «Новая профессия»).

С другой стороны, и употребление УС как *циркач* имеет свою специфику: это сравнение зачастую характеризует не физическую, а интеллектуальную ловкость. Вообще «мужской вариант» характеризуется бóльшей употребительностью, и, соответственно, бóльшим разнообразием компаративных моделей. К примеру, образ «циркач» чаще, чем «циркачка», употребляется как устойчивая метафора, часто с эмоцией восхищения, с усилением экспрессии посредством формул «*ну ты (и) В!*», «*какой В!*» «*настоящий В*», «*чистый В*», «*прямо В*» и т.п.: *Андрей услышал голоса Виктора и Гошки и, недолго думая, перескочил через забор. – И-ха-а! – приветствовал его Гошка. – Вы посмотрите, **какой циркач!*** (В.А. Закруткин. «Сотворение мира»); ***Ну ты циркач**, – испуганно забормотал подбежавший Мишка, оцупывая и оглядывая тушу* (Андрей Дмитриев. «Воскобоев и Елизавета»); – ***Чистый циркач!** – сказал нервный водитель с некоторым восхищением* (Георгий Владимов. «Большая руда»). Нетрудно заметить, что устойчивые компаративные формулы такого рода имеют яркую разговорную окраску и чаще встречаются в речи персонажей.

Наконец, только вариант «циркач» употребляется, по сведениям НКРЯ, с отрицательной коннотацией – как характеристика слишком рискованного, легкомысленного или изворотливого, лицемерного, подхалимного поведения: *Но-но-но! – закричал Косичкин и погрозил согнутым пальцем. Ишь, закаруселил, циркач! Не на бульваре гарцуешь* (Георгий Владимов. «Большая руда»); *Высочка, **циркач**... тихо сказала Гошке Надя, когда они наконец вышли на ночную тихую улицу где-то в Замоскворечье* (Михаил Анчаров. «Этот синий апрель»).

Интересующие нас коммуникативно-прагматические различия вариантов форм рода имеют место и при употреблении устойчивых сравнений, входящих в идеографические подгруппы наименований лиц по национальности, социальному статусу, возрасту. У сравнения *как (словно, точно, будто) школьник – как (словно, точно, будто) школьница* словарь фиксирует два значения: '1. Вести себя – шаловливо или неблагоразумно, легкомысленно. О взрослом человеке (неодобр.) <...> 2. <провинившийся> Робеть, теряться, стесняться, краснеть перед кем-л. О взрослом человеке. <...>' [11, с. 777] Вариант с формой мужского рода представлен в НКРЯ гораздо бóльшим количеством фрагментов (более 160), нежели вариант с формой женского рода (около 60 примеров).

Первое значение представлено в НКРЯ в основном «мужским вариантом»: *Хитрец порою любил пошалить, как школьник – любил подшутить над простецом* (Г.И. Чулков. «Годы странствий»); *Атмосфера вольная, отношения со всеми дружеские, шалости, а шалил я ещё **как школьник**, не зная, куда девать избыток сил* (М.В. Нестеров. «О пережитом»). Ср.: *Но в лучах все эти удила и подпруги тотчас забывались, и она предавалась свободе и беспечности, как школьница, забросившая докучливую учебную сумку.* (Евгений Носов. «Усвятские шлемоносцы»);

Второе значение характеризуется гораздо более высокой коммуникативной востребованностью, и оно проявляется равномерно у обоих рассматриваемых грамматических вариантов: *Он признался в своей дерзости Карамзину, краснея как школьник, сознающийся в шалости, счастливый, уверенный, что всё это вызовет одобрение* (Ю. Н. Тынянов. «Пушкин»); *Я отпрянула от окна в то же мгновение, покраснев от стыда, как школьница, застигнутая у замочной скважины* (И. М. Косых. «Ади. Заказное самоубийство»). Ср. также: «покраснел, как школьник, получивший выговор» (Н. А. Островский); «вспыхнул, как школьник» (Ю. Слёзкин); «зарделась, как школьница» (Наринэ Абгарян); «как школьник, краснеет или бледнеет» (Игорь Кио).

Второе значение регулярно проявляется также с другими словами-сопроводителями: «смущенный, как школьник перед строгой учительницей» (В. В. Полонская); «смутился, как школьник» (Т. Устинова) «стесняется, робеет перед нею, как школьник» (К. И. Чуковский); «волновался, как школьник, мучился» (Е. Весник); «мнётся, как школьник, не выучивший урок», «оробевший, как школьник» (Ю.М. Поляков); «дрожал, как школьник» (Л. Ягункова); «трепетал, как школьник» (Д. Гранин); «понурившись, как школьница, получившая двойку по поведению» (Д. Корецкий); «ахала и дрожала, как школьница» (А. Мамедов); испугана, как школьница (О. Новикова); «нервничает, как школьница перед первым свиданием» (А. Беляков); робка, как школьница (А. Соболев). Используются также слова-сопроводители *оправдываться, прятать глаза, волноваться, трусить, заискивать, бояться, лепетать, конфузиться*.

Употребление УС как *школьница* (в обоих значениях) характеризуется более высокой экспрессией, которая определяется эмоциональностью объекта описания: *Расхохотавшись, как школьница, Сима вскочила, наградила подругу поцелуем и большим апельсином и принялась надевать спортивный костюм за раскрытой дверцей шкафа* (И. А. Ефремов. «Лезвие бритвы»). В подобных случаях однозначно выделить слово-сопроводитель не представляется возможным: контекст дает представление о поведении девушки в целом, причиной которого является радостное волнение. Отметим, что вариант «как школьница» (и в первом значении, характеризующем школярское, легкомысленное поведение, но прежде всего во втором, характеризующем состояние смущения, волнения или робости перед кем-то или чем-то) характеризуется бóльшим разнообразием слов-сопроводителей. Этот вариант подразумевает устойчивые внешние признаки, культурно обусловленные и закрепленные в сознании носителей русского языка.

Заключение

Различия между вариантами форм рода, показанные нами в настоящей статье, вполне подтверждают главный постулат учёных, обосновывающий суть различия между фразеологической вариантностью и синонимией. Нам близка позиция тех фразеологов, которые рассматривают понятие «вариантность» как более широкое по сравнению с понятием «синонимия». Действительно, не все варианты устойчивых сравнений (реально функционирующие или потенциально возможные) являются синонимами, однако все синонимы есть проявление вариантных отношений. Н. М. Шевченко справедливо полагает, что «разграничение этих явлений должно базироваться на априорном определении вариантов как единиц, тождественных по значению, а синонимов – как единиц, соотносимых с разными образами» [18, с.109]. Рассмотренный нами феномен, несомненно, принадлежит

сфере грамматического варьирования: никак не затрагивая ядра компаративной семантики, он, однако, может оказывать существенное влияние на функционирование устойчивых сравнений, на их коммуникативные, прагматические свойства. В.И. Зимин, считавший проблему вариантности «одной из важнейших во фразеологической науке», подчеркивал: «Вариантность фразеологических единиц, очевидно, должна рассматриваться не иначе, как в связи с их тождеством, так как проблема вариантности <...> является как бы оборотной стороной вопроса об устойчивости (инвариантности, постоянности, константности) фразеологизмов» [6, с. 71].

Таким образом, динамичность – оборотная сторона важнейшего признака языковой нормы – **стабильности**. Этот постулат в полной мере может быть отнесён к особой группе фразеологических единиц языка – устойчивым сравнениям. Постоянная борьба противоположностей – стабильности и динамичности – обеспечивает устойчивому сравнению коммуникативную мобильность при неизменности его образной основы.

С одной стороны, общность образной основы цементирует группу компаративных единиц; образ выполняет функцию своего рода стержня, на который нанизываются разные и вместе с тем взаимосвязанные семантические признаки, сопряженные с феноменом грамматических видоизменений опорного слова. С другой стороны, каждый вариант характеризуется своей спецификой в плане коммуникативных предпочтений и культурных коннотаций.

Варианты форм рода в устойчивых компаративных структурах заслуживают глубокого исследования в плане особенностей их функционирования в современной разговорной речи, а также в художественных и публицистических текстах.

Примечания

1. Типы вариантов устойчивых сравнений и дефиниции значений компаративных единиц приводятся нами в соответствии с концепцией, реализованной в работах: [11; 12]
2. Некоторые аспекты формально-грамматического варьирования компонента В устойчивого сравнения были проанализированы нами в статье: [13]
3. Активно изучается варьирование фразеологических единиц в разных сферах коммуникации [3], явление вариативности в системе фразеологической неологии [8], зависимость трансформационной активности устойчивых выражений от их компонентного состава [17] и т.д.
4. Об актуальности углублённого рассмотрения особенностей варьирования фразеологических единиц разных структурных типов писал в свое время В. И. Зимин. См., в частности: [6, с.70–82]
5. Нельзя не отметить, однако, что прилагательное *артистический*, подобно раздельнооформленной компаративной единице как *артист*, может выступать и в других значениях <...>, которые, хотя и предсказуемы, но, вероятно, не исчислимы: *Большая часть французской молодёжи отбывает юность артистическим периодом, то есть живёт, если нет денег, в маленьких кафе с маленькими гризетками в *quardierLatin*¹, и в больших кафе с большими лоретками, если есть деньги. Вместо шиллеровского периода этот период польдекоковский, в нём наскоро и довольно мизерно трактится сила, энергия, всё молодое – и человек готов в *cotitis*¹ торговых домов (А. Герцен. «Былое и думы»).*
6. Справедливости ради надо отметить, что в подобной компаративной функции выступает и вариант как *артист* (однако намного реже): *За месяц до родов Софье Андреевне приснилось, что собеседница дочь и её темноволосый сын, прекрасный как артист кино, выросли вместе и полюбили друга друга <...>* (Ольга Славникова. «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки»).

Список источников и литературы

1. Горбачевич К. С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке: около 1300 словарных статей. М.: ООО АСТ: ООО «Астрель»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 285 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. Том 1. 636 с.
3. Декатова К. И. Вариантность политических фразеологизмов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2023. Том 23. № 3. С. 47–55.
4. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке // Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1979. 192 с.
5. Дронов П. С. Варьирование идиом как системно-языковое и дискурсивное явление: дис. ... доктора филологических наук. М., 2025. 457 с.
6. Зимин В. И. К вопросу о вариантности фразеологических единиц // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума. Вып. 2. Тула, 1972. С. 70–82.
7. Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 1998. 272 с.
8. Мокиенко В. М. Варианты русских фразеологических неологизмов в идеографическом пространстве // Когнитивные исследования языка. 2024. 1–2 (57). С. 80–85.
9. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка: 11000 единиц. Санкт-Петербург: «Норинт», 2003. 608 с.
10. Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/new/> (НКРЯ)
11. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: ООО «Русские словари»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2001. 800 с.
12. Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук. Т. 1. Сыктывкар, 1974. 368 с.
13. Огольцева Е. В. Формально-грамматическое варьирование в системе устойчивых сравнений русского языка // Теоретические и методологические проблемы филологии: Сб. научных статей, посвященных 70-летию д-ра филол. наук, профессора Л. К. Жаналиной. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2015. 608 с. С. 254–262.
14. Селиванов Г. А. Варианты фразеологических единиц во временной проекции // Проблемы русской фразеологии (Республиканский сборник). Тула, 1977. С. 3–11.
15. Словарь русского языка. В 4-х тт. / АН СССР, Ин-т русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. (МАС). Том 1. С. 486.
16. Телия В. Н. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц: Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, 1972. С. 30–69.
17. Третьякова И. Ю. Трансформационная активность фразеологических единиц с компонентом-колоративом // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 2. С. 205–211. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-205-211>
18. Шевченко Н. М. Описание системных отношений во фразеологическом словаре русского языка // Вестник КРСУ. 2007. Том 7. № 4. С. 107–112.

References

1. Gorbachevich, KS 2004, *Slovar sravneniy i sravnitelnykh oborotov v russkom yazyke: okolo 1300 slovarnykh statey* (Dictionary of comparisons and comparative phrases in the Russian language: about 1300 entries), OOO AST publ, OOO «Astrel» publ, ZAO NPP «Ermak» publ, Moscow. (In Russ.)
2. Dal, VI 1955, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* (Explanatory dictionary of the living Great Russian language), vol. 1, Gosudarstvennoye izd-vo inostrannykh i natsionalnykh slovarey publ, Moscow. (In Russ.)
3. Dekatova KI 2023, 'Variantnost politicheskikh frazeologizmov' (Variability of political phraseological units), *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series "Humanitarian and Social Sciences"*, vol. 23, no. 3, pp. 47–55. (In Russ.)
4. Dibrova, EI 1979, *Variantnost frazeologicheskikh yedinit v sovremennom russkom yazyke* (Variation of phraseological units in the modern Russian language), Izd-vo Rostovskogo universiteta publ, Rostov-on-Don. (In Russ.)
5. Dronov, PS 2025, *Variirovanie idiom kak sistemno-yazykovoe i diskursivnoe yavlenie* (Variation of Idioms as a System-Linguistic and Discursive Phenomenon), doctoral thesis, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow. (In Russ.)
6. Zimin, VI 1972, 'K voprosu o variantnosti frazeologicheskikh edinit' (On the variability of phraseological units), in *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit: Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma* (Problems of stability and variability of phraseological units: Proceedings of the interuniversity symposium), Tula, no. 2, pp. 70–82. (In Russ.)
7. Lebedeva, LA 1998, *Ustoychivye sravneniya russkogo yazyka: Tematicheskii slovar* (Set comparisons of the Russian language: topical dictionary). Kubanskiy gosudarstvennyy universitet publ, Krasnodar. (In Russ.)
8. Mokienko, VM 2024, 'Varianty russkikh frazeologicheskikh neologizmov v ideograficheskom prostranstve' (Variants of Russian phraseological neologisms in the ideographic space), *Kognitivnye issledovaniya yazyka (Cognitive Studies of Language)*, no.1–2 (57), pp. 80–85. (In Russ.)
9. Mokienko, VM 2003, *Slovar' sravneniy russkogo yazyka: 11000 edinit* (Dictionary of Russian language comparisons: 11,000 units), Norint publ, St. Peterburg. (In Russ.)
10. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka (NKRYA) (Russian National Corpus) 2003–2020*, Moscow, viewed 20 May 2026, <http://www.ruscorpora.ru> (In Russ.)
11. Ogoltsev, VM 2001, *Slovar ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka* (Dictionary of fixed comparisons of the Russian language), OOO "Russkiye Slovarei" publ, OOO "Izd-vo Astrel" publ, OOO "Izd-vo AST" publ, Moscow. (In Russ.)
12. Ogoltsev, VM 1974, *Ustoychivye komparativnye struktury v sisteme sovremennogo russkogo yazyka* (Fixed comparative structures in the system of the modern Russian language), doctoral thesis, vol. 1, Syktyvkar. (In Russ.)
13. Ogoltseva, EV 2015, 'Formalno-grammaticheskoye varirovaniye v sisteme ustoychivyykh sravneniy russkogo yazyka' (Formal and grammatical variation in the system of fixed comparisons in the Russian language), in *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy filologii: Sb. nauchnykh statey, posvyashchennykh 70-letiyu d-ra filol. nauk, professora L. K. Zhanalinoy* (Theoretical and methodological problems of philology: collection of scientific articles dedicated to the 70-th anniversary of Dr. Philol. Sci., Professor L. K. Zhanalina), KazNPU im. Abaya publ, Almaty, pp. 254–262. (In Russ.)
14. Selivanov, GA 1977, 'Varianty frazeologicheskikh edinit vo vremennoy proektsii' (Variants of phraseological units in the time perspective), in *Problemy russkoy frazeologii (Respublikanskiy sbornik)* (Problems of Russian phraseology (Republican collection)), Tula, pp. 3–11. (In Russ.)
15. Evgeneva, AP (ed.) 1981–1984, *Slovar russkogo yazyka. V 4-h tomakh* (Dictionary of the Russian language. In 4 volumes), 2nd edn, vol. I, Russkiy yazyk Publ, Moscow. (In Russ.)
16. Teliya, VN 1972, 'Variantnost' idiom i printsipy identifikatsii variantov' [Variability of idioms and principles of identifying variants], in *Problemy ustoychivosti i variantnosti frazeologicheskikh edinit: Materialy mezhvuzovskogo simpoziuma (1968)* (Problems

- of stability and variability of phraseological units: Proceedings of the interuniversity symposium (1968). Tula, pp. 30–69. (In Russ.)
17. Tretyakova, IYu 2022, 'Transformatsionnaya aktivnost' frazeologicheskikh edinit s komponentom-kolorativom' (Transforming activity of phraseological units with a colour component), *Vestnik of Kostroma State University*, vol. 28, no. 2. pp. 205–211, <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2022-28-2-205-211> (In Russ.)
 18. Shevchenko, NM 2007, 'Opisaniye sistemnykh otnosheniy vo frazeologicheskom slovare russkogo yazyka' (Description of systemic relations in the phraseological dictionary of the Russian language), *Vestnik KRSU*, vol. 7, no. 4, pp.107–112. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.03.2026
Одобрена после рецензирования: 22.04.2026
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 22.03.2026
Approved after reviewing: 22.04.2026
Accepted for publication: 08.06.2026